

В. Б. Кашкин (Воронежский государственный университет)

## **ИНФОРМИРОВАТЬ ИЛИ ОРГАНИЗОВЫВАТЬ: В ЧЁМ ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА?**

Для чего нужен язык? С ответом, который привычно дают как многие профессиональные исследователи языка, так и обычные люди, трудно не согласиться: язык используется для передачи информации и/или чувств. Популярными источниками и пособиями для начинающих лингвистов сообщают: *We use language to communicate ideas and express feelings* «Мы используем язык, чтобы сообщать мысли и выражать чувства»; *We use it to describe the world around us and how we perceive it* «Мы пользуемся им, чтобы описывать мир вокруг нас и то, как мы его воспринимаем». Но настолько ли полон и точен привычный ответ?

Справедливо ли утверждение, что человек явился в этот мир, чтобы описывать действительность вокруг себя, давая наименования предметам? Если бы это было так, ему не осталось бы времени больше ни на что, и при этом процесс номинации так бы и не был завершён. Видимо, номинации подлежит только ограниченное число предметов, которые попадают в поле зрения человека, а фактически, впечатления от предметов, с которыми человек сталкивается в ходе своей жизнедеятельности. Если же говорить о детализации, об именовании отдельных частей предметов, то и в этом случае мы столкнёмся с бесконечностью, ограниченной человеческим опытом и потребностями.

Не менее бесконечны и возможности информирования. О чём передаёт информацию человек — об окружающем мире? Обо всём мире целиком? Но на это опять же не хватит всей его жизни. Опять же, информирование происходит в соответствии с потребностью, с необходимостью, как она представляется коммуниканту. Предметная ситуация, о которой говорят в лингвистике, таким образом, неизмеримо меньше реальной ситуации в окружающем мире. В её описание попадают лишь релевантные с точки зрения коммуниканта черты.

Пытаясь охватить взглядом единую картину взаимодействия языка как

системы знаков и реальной среды его функционирования, включая человека – пользователя и создателя языка, разнообразные сообщества людей и общество в целом, приходим к выводу, что язык не является простым набором словесных знаков – «ярлыков» для обозначения предметов и явлений внешнего мира. Слова таят в себе бóльшие возможности, нежели простое именование вещей и событий. Близким образом звучит идея М. М. Бахтина о том, человек вовсе не использует слова для обозначения вещей – он живёт и действует в мире, а для организации своих действий, для организации действий других людей и совместных действий с другими людьми изобретает слова. Действие первично по отношению к слову.

Идея дискурсивных практик, речедействия, того как «слово управляет делом» [Рождественский 1996: 16-18], сопряжения слова с деятельностью человека в окружающей его среде (природной и социальной), возможно, позволит объединить два казалось бы антагонистичных подхода, сформировавшихся в языкознании (преимущественно, в отечественном): системоцентрический и антропоцентрический. Поворот к последнему связан именно с развитием функциональной лингвистики, стилистики, теории дискурса [Клушина 2011: 25-26]. Структурные средства языка используются человеком для достижения своих целей, и, с другой стороны, социальные цели предопределяют и изменяют функционирование языковой структуры в среде. Такое целостное рассмотрение языка и процессов коммуникации более гуманистично и более реалистично.

В исследованиях последнего столетия наблюдается также противопоставление двух пониманий человеческого общения, которые можно обозначить как трансляционную и интеракциональную модели коммуникации. В методологии коммуникативистики обычно выделяют две основные парадигмы: трансляционную, механистическую и интеракциональную, диалогическую, подчёркивающую не-однаправленную передачу информации или воздействие, а *взаимо-*действие, совместную деятельность участников

коммуникации [Кашкин 2007: 33-34; 2009: 659]. Именно диалогическая парадигма позволяет в более полной мере объяснить реальность человеческого общения.

В диалогическом общении создаются и регулируются многогранные, постоянно изменяющиеся взаимоотношения между людьми. В течение жизни человек оказывается во множестве ситуаций, в которых необходимо вести диалог, обсуждать и координировать дальнейшие совместные действия. Ср. мнение Н. Д. Арутюновой: «Связь языка с миром жизни особенно очевидна в диалоге. Речь не отделена от поведения человека» (Арутюнова 1999: xiv). Любая диалогическая коммуникация интенциональна: у участников коммуникации всегда есть цель и средства ее достижения, есть действия и есть ответная реакция на эти действия.

В постструктуралистской парадигме наблюдается и отказ от изучения языка только как системы «в самой себе и для себя», обращение к исследованию языка в контексте коммуникации, социальной среды, функционирования в различных сферах дискурса. «Исследование связей и функций языка призвано углубить его понимание, так как любая система получает более полную характеристику при выяснении выполняемых ею многообразных функций. При этом движение языка в смежные области, кажущееся удалением от предмета исследования, парадоксальным образом приближает к языку, позволяя охарактеризовать его с разных сторон, выявить новые его качества» [Солганик 2010: 6].

Переход от системно-структурного к функциональному аспекту анализа языка и речи был первым пунктом такого «решительного поворота». Изучались как функции отдельных «структурных единиц», так и функции языка в целом. Традиционно выделяется либо две, либо три функции языка и коммуникации, которые, впрочем, пересекаются друг с другом. Обычно считается, что язык в первую очередь выполняет познавательную (когнитивную) или информационную функцию: выражение идей, понятий, мыслей и сообщение их

другим коммуникантам. Далее обычно выделяется оценочная функция: выражение личных оценок и отношений, затем – близкая к ней аффективная: передача эмоций и чувств. Во многом концепция функций была основополагающей для всей языковедческой эпистемы. Роджер Т. Белл, известный американский автор работ по социолингвистике, даже соотносил с этими функциями языка три сферы гуманитарных наук: лингвистика и философия (когнитивная функция), социология и социальная психология (оценочная функция), психология и литературоведение (аффективная функция) [Белл 1980: 114].

Одной из наиболее компактных и известных функциональных моделей коммуникации считается модель К. Бюлера. Три функции соотносятся в ней с двумя коммуникантами и сообщением – элементом коммуникативного акта: экспрессивная функция, соотносимая с говорящим, аппеллятивная функция, функция обращения, соотносимая со слушающим и репрезентативная функция, функция сообщения информации. В модели Р. О. Jakobsona присутствуют уже шесть функций: эмотивная, конативная, референтивная, поэтическая, фатическая, метаязыковая. Ряд других авторов вводят большее количество функций, усложняя модель, при этом всё же весьма незначительно исследуется роль адресата (только в глазах говорящего, в его предположении о возможной реакции слушающего), не учитывается общий языковой фон и общественный характер коммуникации, рассматриваются два минимальных участника, единичных коммуниканта, а групповая и массовая коммуникация требуют отдельного разговора. Хотя «фактор адресата» и заложен в ряде моделей, обратная связь, реальный отклик сообщения не всегда принимается во внимание, модель носит однонаправленный характер (от отправителя к получателю). На деле же каждый из них участвует в коммуникации на равных правах, кроме того, участники коммуникации поочередно исполняют роли двух речедателей – отправителя и получателя сообщения.

Равноправие речедеятелей восстанавливается в диалогической концепции М. М. Бахтина: «Строя своё высказывание, я стараюсь его активно определить; с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на моё высказывание» [Бахтин 2000: 293]. Хотя сам Бахтин не предлагал завершённой модели коммуникации, его взгляды весьма часто трактуют именно как диалогическую модель речевого взаимодействия. А Ц. Тодоров, сопоставляя информационно-семантический подход с диалогической концепцией, даже предлагает модель диалогического взаимодействия, созданную «по мотивам» М. М. Бахтина [Todorov 1984: 54]:

|                     |                      |
|---------------------|----------------------|
| <i>М. М. Бахтин</i> | <i>Р. О. Якобсон</i> |
| объект              | контекст             |
| говорящий           | высказывание         |
| слушающий           | отправитель          |
| сообщение           | получатель           |
| интертекст          | контакт              |
| язык                | код                  |

Впрочем, особую роль, которую Бахтин уделял слушающему («без слушающего нет и говорящего»), Тодорову не удалось подчеркнуть. Основной акцент был сделан на интертекстуальные связи, неопределённость, неоднозначность трактовки информации, возможность передачи имплицитных смыслов. Кроме того, диалог мнений может быть обнаружен и в тех случаях, когда формально мы имеем дело с монологом.

Помимо диалогизма, Бахтин подчёркивал роль поступка, деятельностный аспект общения и текста: «Нельзя понять поступок вне его возможного знакового выражения» [Бахтин 2000: 312]. Двуплановость, двусубъектность общения в понимании Бахтина предполагала «встречу двух субъектов», взаимное действие двух участников коммуникации, текст как событие, высказывание как узел, через который язык входит в жизнь [Бахтин 2000: 253].

У наивного пользователя и не только у него бытует миф о приоритете референтивной (информативной, познавательной) функции языка. Принимается

на веру, что язык (и другие системы коммуникации) являются средством «передачи информации». Однако информация не передается, а производится или воспроизводится получателем самостоятельно, хотя и под воздействием сообщения отправителя. У. Матурана называет выражение «передача информации» не очень удачной метафорой. Впрочем, это не мешает нам пользоваться этой неудачной метафорой, как и многими другими (*Солнце всходит и заходит* и т. п.). Тем не менее, язык не столько *обязан* передавать информацию, сколько *может* это делать. Основная функция языка и коммуникативных систем – организация человеческих действий с помощью слов (знаков), передача информации является следствием, подчинённым этой основной необходимости. Феномен коммуникации зависит не от того, что передаётся, а от того, что происходит в получателе; коммуникация создаёт консенсуальную сферу взаимных действий коммуникантов, опирающуюся на референциальный консенсус [Maturana 1987: 212].

Во многих случаях сообщение является своеобразным «триггером» совместных действий, не передавая никакой новой информации. Например, хотят ли что-либо сообщить кому-либо болельщики футбольной команды, скандирующие лозунги? Хочет ли что-либо сообщить кому-либо известная фирма, рекламирующая всем давно известный товар? Хотят ли что-либо сообщить кому-либо участники митинга политических или социальных маргиналов, проблемы которых интересуют, скорее всего, лишь их самих? Хотят ли что-либо сообщить друг другу или кому-либо ещё подростки, повторяющие вслух в своей «собственной» речи интертекст рекламных роликов или популярных фильмов? Или, если всё же мы убедимся, что они хотят что-то сообщить, то соответствует ли это сообщение «прямому содержанию» текста лозунга, слогана, речёвки, навязчивой фразы? Скорее всего, основная функция этих действий не в сообщении информации, а в объединении действий коммуникантов, в отграничении их от других (часто «чужих» для данной социальной группы), в поддержании властных или экономических отношений в

социуме и т. п.

Интересно сопоставить рекламные тексты, чья основная директивно-мотивирующая функция неоднократно доказывалась – тексты столетней давности и современные. Текст компании «Жиллетт» 1913 года весьма объёмен и действительно содержит достаточно большой объём информации о продукте, разумеется, исключительно положительной: *Аппарат Жиллетъ благодарнейший подарок к Пасхе <...> Обратите вниманіе на сгибаніе, при помощи котораго совершается автоматическая перестановка <...> Неоценимое достоинство аппарата для бритья Жиллетъ состоитъ въ его закаленномъ стальномъ клинке <...> Наши новые клинки Жиллетъ вследствие ихъ гладкости и остроты всюду заслужили себе похвалу <...> Съ помощью Жиллета вы можете легко бритса сами (по техническим причинам в тексте отсутствует буква «ять»)). Фрагменты ещё одного текста: *Результатъ научной конструкціи. Поразительная простота руки и сгибаемые клинки съ возможностью перестановки для всякой бороды <...> согнутая предохранительная дужка, 2 куса – очень тонкій гнуційся клинокъ и одна ручка, которая свинчиваетъ все вместе. Клинокъ регулируется автоматически.* Такая многословность резко контрастирует с современной рекламой: *Gillette, the best a man can get = Жиллетт – лучшие для мужчины нет!* Впрочем, представление ряда положительных качеств продукта переходит в современном поликодовом тексте в визуальный ряд (*гладкое бритьё* и т. п.).*

Аналогичен контраст современной рекламы порошка «Тайд» и рекламы 40-х годов прошлого столетия: *He wears the cleanest shirt in town* (изображение семейной пары: муж в сверкающей рубашке, рядом заботливая и любящая жена) *<...> Tide gets clothes cleaner than any soap! <...> Not only cleaner, whiter too! <...> and brighter! <...> the fabric feels so soft* и далее. Современные тексты, рекламирующие «Тайд», ограничиваются двумя-тремя характеристиками (*Works in all machine types. Dissolves quickly in hot & cold* и т. п.).

Возможно, эти наблюдения свидетельствуют об определённой

деинформатизации современной коммуникации, в особенности, в торговой и рекламной сферах дискурса. При этом основная функция – «совместных» действий продавца и покупателя (продажа/покупка) – остаётся нетронутой. Аналогичная тенденция – движение от информатики к фатике – отмечается и в политическом дискурсе, что показывает достаточную степень близости данных дискурсивных практик [Шейгал 2004: 119-120, 132-133]. Только отчаявшиеся пенсионерки в платочках ждут от депутатов «выполнения предвыборных обещаний», наивно полагая, что такая разновидность дискурсивных практик, как предвыборное выступление имеет в качестве основной информативную функцию. На самом же деле вступает в силу определённого рода консенсус, в котором одна из сторон действует путём голосования за данного кандидата, а это действие получателя и является основной целью для второго коммуниканта.

Деинформатизация коммуникации при сохранении прагматики действия соотносится и с усиливающейся девербализацией коммуникации в современную коммуникативную эпоху.

Все формы и средства коммуникации в каком-то смысле являются «продолжением человеческого тела», дополняя и усиливая недостаточные функции: зрения и слуха на расстоянии (телевидение, громкоговорители), «продолжение жизни» во времени (печатный текст, видеозапись) и т. п. Выдающийся теоретик коммуникации М. Мак-Люэн считал, что средства, канал передачи во многом определяют и само содержание сообщения. Известно его знаменитое, кажущееся парадоксальным высказывание: *The medium is the message – Средство само и есть сообщение* [McLuhan 1997: 148]. Однако эта парадоксальность явилась своего рода пророчеством, предрекавшим девербализацию коммуникации, что, собственно, и наблюдается в современную эпоху расцвета поликодового (иногда неудачно называемого «креолизированным») текста, компьютерно-опосредованной коммуникации, гипертекстуальности и т. п. Современный подросток зачастую «общается» в интернете не ради передачи информации, а ради самого общения: *Я здесь! У*

*меня есть компьютер! Я общаюсь по интернету! У меня вот такой крутой сайт!* – эти вещи не высказываются вслух, но, фактически, являются подоплёкой поверхностных коммуникативных проявлений. Информативные фразы весьма редки на форумах и в чатах; в ряде доступных нам материалов ещё конца XX века они встречаются один раз на десять-двадцать фатических высказываний (*Hi!; Hi, DKelly, kisses and hugs!; mmm Alesia kiss and hug; ok... time to flee people... Happy New Year, everybody!!!* и т. п.). Единственное информативное высказывание оказывается также, скорее фатическим, начинающим знакомство: *MMAJERCAK> a/s/l – .Lin Lin> 14/f/Mississippi*, а запрос информации остаётся без ответа: *PEANUT1> angel.. need some puter help... can you help a damsel in distress??*

Мак-Люэн во многом предвидел развитие коммуникации в современном обществе и еще в 60-70-е годы (до появления интернета и глобализации телевидения) отдавал приоритет визуальной коммуникации. Он считал, что современная культура является визуальной по своей сущности, в противовес, например, культуре XIX – начала XX века, преимущественно письменной (печатной). Изобретение печатного прессы в свое время также изменило коммуникативную парадигму, открыв «галактику Гутенберга». Глобализация коммуникации, по Мак-Люэну, ведёт к созданию единого коммуникативного пространства, *the global village* – «глобальной деревни» [McLuhan 1997: 111-122; Мак-Люэн 2004: 47-49]. Значимость идей Мак-Люэна для понимания современной цивилизации позволила одному из более поздних его последователей говорить уже о «галактике Мак-Люэна» – галактике интернета.

В соответствии с идеями Мак-Люэна можно выделить следующие эпохи развития коммуникации в истории человечества:

- устная коммуникация (как бы «в рамках деревни»: коммуникативная среда непосредственно окружает коммуниканта);
- письменная коммуникация (преодоление времени и пространства как коммуникативных барьеров);

- печатная коммуникация (скачок в количественном охвате коммуникантов);
- глобально-мультимедийная коммуникация (возврат к «деревне», *global village*).

Девербализация дискурса прослеживается не только в интернете и в компьютерно-опосредованной коммуникации. Задолго до их распространения появились иллюстрации, поликодовость и как крайний случай – комиксы, являющиеся визуальным субститутотом текста. Есть уже комиксы по материалам мировой истории (вместо учебника для современного «клипового поколения») и даже по «Анне Карениной». Вербальная составляющая таких текстов минимальна (она представлена в «пузырях со словами», *bubbles*), и часто без изображения понять смысл невозможно: *I knew you were a loser the first minute I saw you! – How? – You're in this picture, aren't you?* Понять юмор можно, только увидев, что на одном изображении находятся Омар Шариф и Барбра Стрейзанд, известная своим высоким самомнением: все, кроме неё – «лузеры». Ещё один пример критичности невербальной составляющей: *Е-бизнес: бесплатно сыра нет и в Сети*, модифицированный прецедентный текст дополнен «проясняющей ситуацией» иллюстрацией – кусок сыра и компьютерная мышь на коврике. Поразительной лапидарностью обладают плакаты из календаря противников Кока-Колы: изображение мишени, в центре которой фигурная красная бутылочка и одно только слово – *Бей!*

Современные «отрицательные» тенденции развития коммуникации (девербализация и деинформатизация) всё же оставляют нетронутым основное предназначение общения – совместное действие, воздействие, взаимодействие, поступок, событие и т. п. Информативность дискурса, таким образом, всё же является не основной его целью, а средством для выполнения основной цели – речедействия. Приоритет действия над информативной и прочими функциями косвенно подтверждается также историей развития знаковой деятельности у животных и человека. Ряд исследователей считает, что знак (в первую очередь,

невербальный жест) первоначально являлся частью действия, обособившегося от него и приобретшего функцию метадействия, указания на само действие. Семантика начиналась с семантизации элементов поведения [Кликс 1983: 76-85]. Язык в этом смысле можно считать метадеятельностью.

#### Литература

*Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

*Белл, Р. Т.* Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.

*Бахтин, М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.

*Кашкин, В. Б.* Основы теории коммуникации: краткий курс. – М.: АСТ: Восток-Запад; Минск: Харвест, 2007. – 256 с.

*Кашкин, В. Б.* Коммуникация // Большая российская энциклопедия: Т. 14 «Киреев – Конго». – М.: Изд-во БРЭ, 2009. – С. 658-659.

*Кликс, Ф.* Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.

*Клушина, Н. И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда: Выпуск 9. – Воронеж: ВГУ; Наука-Юнипресс, 2011. – С. 25-33.

*Мак-Люэн, М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр; Эльга, 2004. – 432 с.

*Рождественский, Ю. В.* Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

*Солганик, Г. Я.* Основы лингвистики речи: Учебное пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 2010. – 128 с.

*Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

*Maturana, H.* Der Baum der Erkenntnis. Die biologische Wurzeln des menschlichen Erkenntnis / H. Maturana, F. Varela. – Bern, etc.: Scherz Vg., 1987. – 280 с.

*McLuhan, M.* Essential McLuhan. – London: Routledge, 1997. – 407 с.

*Todorov, T.* Mikhail Bakhtin. The Dialogical Principle. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – 132 с.

Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посв. 80-летию проф. Г.Я.Солганика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 165-174.